

## ОБСУЖДЕНИЕ СТАТЬИ В. В. ПИМЕНОВА «ПОДГОТОВКА ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ЭТНОГРАФА: ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕСТРОЙКИ» \*

Статья В. В. Пименова, посвященная проблемам подготовки этнографов на кафедре этнографии МГУ, логически построена несколько своеобразно. Вначале изложены мысли автора о том, как готовить «профессиональных этнографов», и только к концу автор задается вопросом, кого мы должны готовить, для кого готовить, кто будет реальным «потребителем» подготовленных нами кадров молодых специалистов. Проблемы, так взволновавшие В. В. Пименова, перед преподавателями кафедры этнографии МГУ, работающими здесь не один десяток лет, встают и ежегодно при обсуждении учебных планов кафедры, и ежедневно в процессе будничной педагогической работы со студентами. Опираясь на опыт этой тяжелой, но необходимой и увлекательной работы по воспитанию будущего нашей науки, наших преемников и продолжателей нашего дела, можно высказать несколько самых общих положений, учитывая ограниченные возможности данной публикации.

Кафедра этнографии исторического факультета МГУ профессиональных этнографов не готовит и не готовила со времени своего основания. Как и остальные кафедры нашего факультета, она готовила профессиональных *историков*. На факультете есть лишь одно исключение: две кафедры искусствоведения выпускают специалистов по истории и теории искусств. Остальные кафедры готовят историков — либо по разделу всеобщей истории, либо по истории СССР. Это положение отражено во всех официальных документах о структуре Московского университета. Конечно, любое положение можно оспорить и изменить, если этого потребуют интересы дела или потребности общества, науки. Но вряд ли существует потребность коренного изменения этнографического образования. Сам же В. В. Пименов признает, что неизвестен «заказчик» на таких специалистов, а возможности Института этнографии, увы, весьма ограничены, хотя среди сотрудников института едва ли не 3/4 — выпускники нашей кафедры. Выделение образования, получаемого на кафедре этнографии, в особую специальность вызывает серьезные возражения по существу. Уверен, что теперешнее место кафедры этнографии среди других исторических дисциплин отвечает и смыслу, и задачам советской этнографической науки.

Не хочу развертывать дискуссию о предмете этнографии. На моей памяти таких дискуссий было более чем необходимо. Повторю лишь самые общие положения. Если мы признаем, что этнические отношения и этнические процессы относятся к разряду процессов социальных (а это положение, кроме Л. Н. Гумилева, кажется, никто не оспаривает), то весь комплекс предмета этнографической науки, какие бы вопросы ни включались в этот комплекс, неизбежно оказывается в сфере исторических процессов. Более того, в марксистской науке неоднократно отмечалось, что этнические процессы, в том числе и национальные отношения, находятся в зависимости, в подчинении по отношению к другим

\* Начало дискуссии см. «Сов. этнография». 1988. № 3, 4.

специальным факторам — социально-экономическим, политическим и т. п. Поэтому основой, фундаментом этнографического образования при всей важности дополнительных специальных знаний должно оставаться *историческое* образование во всей его полноте, что и отражено в учебной программе исторического факультета. Этому подчинено и распределение времени студентов, которым 2/3 его отводится на общенсторические курсы. Среди этих курсов именно для этнографов важнейшими на кафедре всегда считались курсы по истории КПСС, марксистско-ленинской философии. Никогда теоретические исследования специально-этнографического аспекта не рассматривались в отрыве от общих положений марксистско-ленинской философии и обществоведения, от достижений теории и методологии нашей исторической науки. Связь этнических процессов с другими историческими процессами, другими действующими факторами истории общества органична и нерасторжима. Думается, в этом одно из главных преимуществ нашего советского понимания сущности этнографической науки по сравнению с той разноплановой пестротой, которую мы знаем в аналогичной специализации в капиталистических странах.

Желательно, чтобы система обучения в вузе была как можно ближе к достижениям современной науки. Однако нельзя не считаться и с тем, что между научными сотрудниками специализированных НИИ и студентами есть весьма существенная разница. Если научный сотрудник (хотя бы в идеале) располагает соответствующей профессиональной подготовкой, определенными навыками (и методическими, и практическими) в научной работе, то, попадая в вуз, студент обладает лишь знаниями, полученными в средней школе, иногда известным накопленным багажом по избранной профессии. Да и в силу возрастных особенностей у большинства студентов еще нет сформированных жестко личности и интересов. Поэтому вузовский уровень овладения знаниями и профессией обязательно предполагает прежде всего накопление фактического материала, того воздуха науки, на который могли бы опереться «крылья» будущего исследователя. Сводить все преподавание к изложению теоретико-методологических основ науки, как бы пышно ни звучал такой призыв, на деле означает подрыв именно той фундаментальности знаний, без которой в эпоху НТР невозможно приготовить хорошего *работника*, способного в случае необходимости решать новые и неожиданно возникающие задачи. Выступая против фундаментальных курсов кафедры этнографии, В. В. Пименов вряд ли найдет себе союзников на историческом факультете. Впрочем, и сам В. В. Пименов постоянно оговаривается, что некоторые из этих курсов необходимы.

Обязательно следует иметь в виду при любых планах на будущее еще одно обстоятельство, хорошо известное всем, кто систематически занимается со студентами: у них, как и у всех смертных, в сутках всего 24 часа, хотя по успехам и интересам некоторых из них кажется, что где-то они разыскивают и дополнительное время, но держат этот источник в строгом секрете. К тому списку новых курсов и дисциплин, которые намерен ввести В. В. Пименов, не отменяя кое-что из прежних, можно было бы при старании добавить еще многое, что желательно знать современному этнографу. Но где на все это взять время, даже если ограничиться мини-курсами по пять-шесть лекций теоретико-методологического плана? Ведь к таким курсам нужно готовиться, читая книги, статьи; необходимо время и на то, чтобы обдумать прочитанное. Подобное расширение лекционных курсов, семинаров, собеседований и любых иных форм обучения неизбежно приведет к поверхностному знакомству с новой тематикой в лучшем случае, а в целом — к воспитанию берхоглядства, скольжению по модным, новым, новейшим, сверхновейшим теориям и теориям, от которых чаще всего останется лишь досада на потерянное время. Мне думается, подобные «увлечения» вполне терпимы в науке вообще, ибо в этом отражается поиск истины, поиск новых решений. Здесь часто, хотя далеко не всегда, рождаются целые новые плодотворные направления. Но вряд ли такой поисковый путь можно реко-

мендовать для учебного плана кафедры, учебного плана, составляющего часть более общего и обязательного плана профессионального обучения историков.

К сожалению, направления, предложенные В. В. Пименовым, менее всего учитывают именно место кафедры на историческом факультете, связь этнографии с другими разделами исторической науки. А такая связь не только всегда существовала, существует и, я надеюсь, будет существовать, но именно взаимодействие с другими отраслями истории приносило этнографии наибольшие успехи в решении как задач общепрофессиональных, так и в решении проблем самой этнографической науки. Аграрная история и история производительных сил человеческого общества в целом, история отдельных областей культуры любого плана и ранга, от пищи или одежды до истории человеческого мышления, знания, — во всем этом немалую роль играли не только материалы, собранные усилиями этнографов, но и понимание этих материалов, их места в контексте общего прогресса человеческого общества. С другой стороны, понять стадияльное, эпохальное своеобразие этнических отношений невозможно, не зная общепрофессиональных условий жизни людей, уровня их социально-экономического развития, политических отношений — словом, всего того, что изучают историки других направлений нашей науки. И никакие курсы этнопсихологии, этноэкологии, этнодемографии или любой иной «этнонауки» не в состоянии заменить простого и добротного знания истории, исторических фактов, исторических процессов. И учебные курсы самой кафедры должны прочно опираться именно на этот фундамент нашей профессии.

Профессии «этнограф» нет! Есть историк, исследующий историю этнических отношений в человеческих обществах разных регионов и периодов. Только из такого подхода рождались и рождаются действительно серьезные теоретические выводы, только на такой базе можно надеяться на правильное предвидение перспектив этнических отношений в будущем.

Если исходить из положений статьи В. В. Пименова, может сложиться превратное представление о самом ходе учебного процесса на кафедре — как будто дело все заключено в названиях курсов. Если есть курс этнодемографии, то студент получает знания в этой области; если такого лекционного курса нет, то студент будто и слыхом не слыхал о демографии. Что на самом деле это весьма далеко от действительности, знает каждый, кто действительно знаком с программами и курсами нашей кафедры. Учебный план, как ему и положено, отражает лишь самые общие направления, самые *необходимые*, именно необходимые, а не просто желательные знания. Остальное определяет конкретное содержание лекций, семинаров, других форм занятий со студентами, а разнообразие таких форм достаточно велико, чтобы в случае надобности помочь студенту овладеть материалами и представлениями в любой отрасли знаний. И не только исторических специальностей, но и любых, которые требуются для наиболее полного изучения истории или этнографии: лингвистика, антропология, агрономия, основы математики и т. д. и т. п. В этом и заключено одно из главных преимуществ университетской формы обучения. Возможности Московского университета здесь почти безграничны. В распоряжении студента почти весь арсенал современной науки; он может получить консультацию, помощь любого специалиста любого факультета, причем самую квалифицированную. И это не только возможности, но нередко и реальная практика научной работы студентов — было бы только у них желание и *время!* Я уже не говорю о том, что студенты кафедры полностью обеспечены помощью специалистов-историков как на самом факультете, так и в академических институтах.

Естественно, лекционные курсы, которые ведут весьма опытные преподаватели, не замыкаются рамками их названий и даже программ. Как показывает мой личный опыт и опыт моих коллег по кафедре, за 3—5 лет содержание курса обновляется более чем наполовину. Читать

лекции-близнецы современным студентам невозможно — они не станут их слушать. Сидеть на лекциях, может быть, и будут («посещать»), а слушать — нет! Я еще не встречал лектора, способного выдержать подобную форму протеста.

Кроме лекций, неизбежно отражающих современный уровень не только нашей этнографической науки, но и уровень знания вообще, в распоряжении и преподавателей, и студентов другие формы обучения: семинары, курсовые и дипломные работы, работа в экспедициях, личные беседы, студенческие конференции и многое иное. Это позволяет вести в целом преподавание с учетом всего действительно нового, действительно ценного, что дает наше стремительное время. Конечно, чтобы быть на уровне, преподавателям приходится много работать, следить за научной литературой в самых различных областях знания, много думать, отбирая из потока информации наиболее интересное и существенное, постоянно улавливать настроения студенчества, его интересы. Работа изнурительная, каторжная, но захватывающая. За такую работу редко благодарят вслух, но, ревниво следя за успехами выпускников нашей кафедры, каждый из преподавателей знает, что в них есть и его доля, пусть небольшая, но весомая, ибо в наших учениках — наше будущее.

Вряд ли правильно представлять и положение дел на кафедре, и изменение содержания обучения через формальные показатели. И сила, и слабость кафедры (а без недостатков работы не бывает) заключены прежде всего в ее преподавательском составе, в том, насколько каждый из нас и весь коллектив в целом способны выдержать столь высокое напряжение в работе. Кафедра этнографии за все годы существования отличалась редким подбором самых квалифицированных специалистов: С. П. Толстов, С. А. Токарев, Н. Н. Чебоксаров, В. И. Чичеров, Е. М. Шиллинг, Б. Г. Шаревская — вот плеяда крупнейших советских этнографов, закладывавших основы этнографического обучения, создавших традиции обучения и взаимоотношений на кафедре. Можно было бы назвать немало имен, столь же известных в науке, имен тех, кто постоянно принимал участие в обучении и воспитании наших студентов. Я не помню случая, чтобы кто-нибудь из ученых Института этнографии отказывал кафедре и ее студентам в помощи, будь то чтение курса лекций или консультации, руководство дипломными, даже курсовыми работами. Мизерная часть такой помощи отражалась потом в платежных документах, т. е. официально. Но влияние подобного сотрудничества на весь учебный процесс кафедры, на воспитание студентов — огромно. И может быть, особенно действенным был именно неформальный характер таких отношений, втягивавший студентов в круг бескорыстного, увлеченного служения науке, не говоря уже об уровне получаемых знаний. Эти традиции действуют и сейчас, не завися от каких-либо пунктов формальных договоров. Неформальное общение, не говоря уже о чтении книг, статей, разборе новейших взглядов на лекциях и семинарах, никак не позволяет согласиться с тем, что кафедра в чем-то отстала от уровня науки. То, что далеко не все новейшие взгляды и направления получают признание на кафедре в виде курсов лекций, — благая осторожность, необходимая в учебной работе. Ведь далеко не все новшества заслуживают быть оставленными в науке. Устраивать каждый раз коренную ломку учебного плана не только накладно (подготовка программ, лекций, учебных пособий — все это весьма дорогое удовольствие), но это еще и вредно, когда стабильные, десятилетиями выверенные курсы фундаментальных знаний меняются на модные, но короткоживущие увлечения. Вузовская практика (и это признано сейчас наиболее разумным) при подготовке будущих специалистов должна давать именно основные, фундаментальные знания, на базе которых будущий специалист может проявить себя в любом направлении уже профессиональной работы. Об этом вроде бы заботится и В. В. Пименов, но вряд ли этого можно достичь предлагаемым дроблением курсов по узким и весьма зыбким «специальностям», которые и в академических стенах пока остаются на уровне эксперимента.

Учебный план любой кафедры — сложное явление, его нельзя рассматривать как механическое соединение изучаемых дисциплин. В получении образования студентами такой план выступает как некое органическое и *гармоничное* целое, в котором нельзя безнаказанно к телу вола прищипливать хвост собаки или гриву лошади. Изменения могут быть внесены и вносятся, но только тогда и настолько, чтобы это не нарушало общую гармонию всего комплекса преподаваемых знаний. А для этого необходимы единая общая концепция, единый замысел. Такой замысел разрабатывался основателями нашего этнографического образования начиная с Н. Н. Харузина и был окончательно оформлен уже упомянутой когортой лучших советских этнографов. На это потребовалось не одно десятилетие кропотливого труда. Не так уж сложно все это разрушить. Но что же предложено взамен? Если говорить об изучении современности, так историки, в том числе и этнографы, всегда занимались изучением современности. Опыт прошлого, закономерности развития явлений в прошлом нужны не сами по себе, а как способ познания законов общественного развития. И чем лучше мы их знаем, тем увереннее разбираемся в настоящем и можем предвидеть будущее. Я вынужден повторять общеизвестные истины только потому, что громкая фразеология без продуманной и обоснованной программы способна нанести трудно поправимый вред.

Прежние положения учебного плана кафедры успешно работали десятилетия; мы знаем их результаты не по выпускным экзаменам или дипломным работам, а по успешной деятельности наших выпускников и в Москве, и почти во всех наших республиках. Немало через кафедру прошло студентов и аспирантов из социалистических стран, и все они сейчас успешно работают. Значит, учебный план кафедры в своих основах (частично он менялся) прошел проверку жизнью. Правильность или ошибочность кардинальной перестройки будет ясна лет через 5—8, не раньше. Да еще столько же потребуется на перестройку плана, если он ошибочен. Ведь это отодвинет нас назад не меньше чем на 10 лет. Риск слишком велик (я уже не говорю о тех издержках, которые понесут выпущенные за это время специалисты!) Беспокойство, осторожность здесь вызваны не мифической приверженностью «к спокойной, привычной жизни» (да и какая спокойная жизнь может быть со студентами!), а чувством ответственности, долгом перед будущим, неизбежным у всякого педагога. В нашей советской науке уже были печальные уроки поспешного внедрения в практику непроверенных лозунгов и теорий (марксизм, лысенковщина). В свое время их тоже пытались оснастить самыми заманчивыми флагами.

Хотя это больше относится к иному «пакету» этнографических проблем, но, поскольку это также касается обучения на кафедре этнографии, направлений работы наших студентов, необходимо сказать и о явном увлечении терминами «этнос», «этничность», соединением слова «этнос» с другими словами. Это выпукло прозвучало и в статье В. В. Пиненова. Почему география должна сочетаться с понятием «этнос»? Если речь идет о расселении разных языковых групп, то это было в поле зрения этнографии и раньше, но так и называлось — «расселение такого-то народа». Но если учесть, что появились и «этноэкология», и «этнопсихология», и еще масса «этно...логий», то за этим явно проглядывает тенденция — вывести на первый план этнос как определяющий фактор развития общества. Такую «крамольную» мысль никто ясно не высказывает, но проводится она де-факто и стремительно вводится в учебную программу кафедры. И это вызывает уже не только серьезное беспокойство, но и решительный протест. Все причины, все факторы, которые сейчас сопрягаются с этносом, давно и внимательно изучаются и историками, и этнографами, и специалистами иных наук. Но до сих пор большую их часть относили к факторам и причинам общечеловеческого плана, воздействовавшим на человеческое общество в целом. Из этнографических разработок достаточно упомянуть положения о хозяйственно-культурных типах. Можно и нужно критиковать

многие положения эволюционистов, но нельзя забывать их понимания единства законов развития человеческой культуры, того, что объединяет людей. И в географии, и в экологии, и в психологии, и во многих других сферах жизни. В наше беспокойное, тревожное время об этом следует особенно помнить — мы люди одной планеты Земля, у нас во много раз больше общего, чем различного. В целом так и строилась учебная программа кафедры. Разделение интересов студентов по регионам не заслоняло общности большинства элементов культуры общества. Столь явное вычленение именно «этнoса» как определителя культурной специфики неверно по существу (с моей точки зрения), а следовательно, вредно и в теории, и в идеологии, и в практике. В нашем распоряжении пока нет убедительных научных разработок по многочисленным «этно...логиям». Стремление поспешно внести эти дисциплины в сознание студентов, в их подготовку просто непонятно, если исходить из заботы о прочном и фундаментальном их образовании.

Осознавая всю глубину происходящих в нашей стране преобразований и определяя свое место в этом процессе, прежде всего ощущаешь чувство большой ответственности за все, что делаешь и что предстоит еще сделать,— ведь нашими руками, руками педагогов, учителей создаются и будущее нашей науки, ее надежда, ее завтрашний день. И задача предельно ясна: сохранить все ценное и полезное, что накоплено советской школой этнографии, и передать это богатство нашим ученикам, воспитать в них борцов за марксистско-ленинское понимание исторических процессов в исследовании этнических отношений.

Для этого их следует вооружить прежде всего знаниями по истории нашей науки. Ведь каждое достижение советской этнографии давалось не просто, а в борьбе мнений, теорий, научных взглядов и школ. Необходимо не только показать студентам, но и закрепить в их памяти то разнообразие культур народов мира, которое открывает бесконечное богатство возможностей человека в его взаимоотношениях с окружающей средой, во взаимоотношениях народов друг с другом. И вместе с тем это необходимое основание для выявления того общего, что объединяет все человечество, что делает убедительным единство законов общеисторического развития общества и его культуры. Раскрывая перед студентами процесс рождения, формирования и развития особенностей конкретных культур, анализируя причины как их сходства, так и различий, мы имеем возможность воспитать в них прежде всего уважение к культуре каждого народа, большого или малого по численности. И вместе с тем именно на базе обширного фактического материала, которым располагает «региональная этнография», нагляднее всего проявляется действие различных факторов: географических, социально-экономических, политических и др. на культуру каждого народа.

В этом историческом аспекте получает убедительность и процесс возникновения, становления и изменения различных типов этнических общностей, особенности этнических отношений на разных стадиях исторического развития, их соотношение с другими факторами исторического развития. Подобный исторический подход к изучению истории народов, их формированию и особенностям их культуры на разных этапах развития создает возможность лучшего понимания законов, управляющих таким развитием, и, следовательно, реальные возможности для понимания, как эти отношения и особенности культуры могут и должны развиваться в будущем. Здесь нет и не должно быть, насколько это позволяют имеющийся фактический материал и степень изученности тем, искусственного выделения одних проблем и отодвигания в тень других. Ведь исторический процесс един и взаимосвязан во всех своих частях и проявлениях.

Разумеется, в конкретном исполнении — будь то курс лекций, работа семинара, тема курсовой или дипломной работы студента — сосредоточенность на одной теме, на группе проблем, на материалах од-

ного определенного региона или группы народов не только допустима, но и желательна. И разнообразие форм работы со студентами в МГУ дает здесь самые широкие возможности.

Не могу обойти молчанием состояние подготовки научно-педагогических кадров. Напряженность положения здесь типична не только для кафедры этнографии. Практически загруженность сотрудников кафедры педагогической работой такова, что все: и профессора, и доценты, и научные сотрудники, и лаборанты — вынуждены нести ту или иную педагогическую работу. В принципе это нормально, но степень такой нагрузки очень велика. У нас нет резерва. Уход по тем или иным причинам одного из работников каждый раз вызывает кризис — кому читать «покинутый курс лекций», кто заменит преподавателя на занятиях. О каких-либо командировках во время учебного года, даже кратковременных, невозможно и думать. А ведь течение времени неумолимо, следует подумать и о подготовке смены, и не только в плане «остепенения» — это четверть дела. Нужно подготовить педагога, воспитателя, лектора, а это сложная задача, не всем она по силам, должен быть какой-то отбор, проверка в работе. Сейчас такой возможности нет. И улучшения пока не предвидится. Сотрудники Института этнографии нас выручают часто, но это помощь — у всех свои обязанности. А педагогический коллектив кафедры должен быть достаточно стабильным, сосредоточенным на специфике обучения и воспитания студентов, — забот здесь хватает с избытком. И если учесть, что для подготовки преподавателя нужно после окончания вуза не менее 5—7 лет, то есть все основания для серьезного беспокойства.

**Г. Г. Громов**

Подготовка профессиональных этнографов в системе университетского образования предполагает решение целого ряда сложных вопросов, одним из которых является «чему учить?» и другим, не менее важным «как учить?». От правильной постановки этих вопросов в ходе всего учебного процесса во многом зависит конечный результат — подготовка квалифицированного специалиста в области этнографии.

Как показывает практика, настоящую этнографическую подготовку студент может получить только в том университете, где имеется кафедра этнографии, располагающая многопредметным циклом специализации. Что же касается предусмотренного общеуниверситетским учебным планом обязательного курса по основам этнографии для студентов первого курса исторических факультетов, то этот предмет преследует совершенно определенную цель — помочь студенту, только еще приступающему к изучению истории, правильно ориентироваться в исторически сложившемся этническом многообразии мира.

В своей статье В. В. Пименов вполне обоснованно затронул вопрос о программе «элементарного курса по основам этнографии» (хотя он по общему замыслу и исполнению не так уже элементарен). Исходя из личного опыта многолетнего чтения этого курса, мне трудно согласиться с автором обсуждаемой статьи, что главное внимание в нем следует уделять «проблемному показу и анализу социально-этнических ситуаций в разных регионах мира». Университетская практика преподавания всегда предполагает знание общих процессов, порождающих конкретные ситуации, знание общих законов развития человечества и специфических законов функционирования и развития этнических общностей. Для того чтобы как-то разобраться в сложных этнических проблемах современности, студент должен быть знаком именно с «основами» (а не с «азами» или социально-этнической эмпирией) этнографического знания в методологическом ракурсе исторической науки. Но все это в реальности скорее продукт, чем предпосылка, этнографического обучения. Первокурсник еще не обладает необходимой подготовкой для понимания этих проблем, а преподаватель в силу ограниченности лекционных часов не имеет воз-

возможности дать развернутую трактовку означенных вопросов. Всякий раз тут возникает противоречивая ситуация, преодоление которой требует мастерства преподавателя и вдумчивого отношения к предмету со стороны студента. Приходится ориентировать слушателей на самостоятельную проработку ими ряда разделов программы, чтобы лектор имел возможность останавливаться только на основных проблемах читаемого курса. Впрочем, такие условия больше подходят для студентов старших курсов, нежели для первокурсников, для которых лекция по-прежнему сохраняет свое значение одной из главных форм учебного процесса.

В общем плане исторического образования курс по основам этнографии должен в первую очередь предусматривать ознакомление начинающего историка с этнической картой мира, с различными принципами классификации народов, с общими вопросами их культурно-исторического развития, этногенеза и этнической истории вплоть до современности и др. В задачи этого курса не входит раскрытие всех аспектов этнографической науки; следует четко разграничивать вопросы, имеющие прямое отношение к историческому образованию, и специфические вопросы собственно этнографии. Но все-таки ведущая идея этнографической науки — формирование этнической структуры человечества в разрезе мирового исторического процесса — должна по-своему освещать и занятия первокурсника.

Каковы же содержание и направленность подготовки специалиста на кафедре этнографии? В статье В. В. Пименова правильно отмечено, что студент, окончивший эту кафедру, должен обладать способностью более или менее свободно ориентироваться в разных вопросах этнографии, уметь применить полученные знания в своей практической деятельности. Однако подготовить такого специалиста вовсе не означает наполнить учебный план кафедры «неупорядоченным множеством» общих и специальных курсов и спецсеминаров, охватывающих все стороны этнографической науки и сопредельных с нею дисциплин. Основное внимание при составлении учебного плана должно быть сосредоточено на разграничении этнографически главного и информативно-вспомогательного, т. е. на четком выделении профилирующих курсов и семинаров, которые могут обеспечить базовую подготовку настоящего этнографа, и на отработке методики всех форм учебного процесса, в том числе и «попутных».

В связи с этим в первую очередь встает вопрос о фундаментальных и нефундаментальных лекционных курсах. Конечно, фундаментальные курсы — это не «много лет читаемые традиционные курсы». Фундаментальные курсы — это те курсы, которые закладывают фундамент этнографического образования. Можно спорить о том, какие курсы следует считать фундаментальными. В моем понимании фундаментальность курса заключается в тех познавательных предпосылках и результатах, которые дают возможность студенту, прослушавшему курс, получить навыки решения той или иной актуальной проблемы этнографии. Например, если студент прослушает методологически основательно взвешенный, с охватом ведущих проблем и тщательным подбором фактического материала лекционный курс по какой-либо одной конкретной стране, он получит ясное представление, как самостоятельно разобраться в литературе по региональной этнографии вообще. Или другой пример: прослушав должным образом подготовленный курс по материальной культуре одного или группы народов, студент будет иметь надежный ориентир для трактовки вопросов материальной культуры в целом. Таким образом, фундаментальные курсы, закладывающие основу этнографического образования, сами должны опираться на прочную базу накопленных и систематизированных этнографических знаний. Таких курсов должно быть немного, но вполне достаточно, чтобы охватить основные стороны этнографической подготовки.

По своей проблематике, с учетом новейших разработок по затронутым в них вопросам, эти курсы должны быть относительно стабиль-



ными, обязательными для получения студентами базового этнографического образования. Для успешной подготовки квалифицированного этнографа фундаментальные курсы должны преобладать над нефундаментальными, основной задачей которых является ознакомление студентов с различными развивающимися направлениями в этнографической науке, а также с отдельными проблемами, разрабатываемыми самими преподавателями или получившими значительное отражение в этнографической литературе. Видимо, не следует торопиться включать в учебный план такие научные дисциплины, которые еще только зарождаются, а потому, как правило, не имеют еще четкого обоснования своего научного предмета, а главное, еще всерьез не апробированы в «большой науке». О них можно, конечно, упомянуть в общем обзоре перспективных гипотез, но и только. Следовательно, в преподавательской практике с жестким лимитом учебного времени не должно быть предметов, еще не занявших устойчивого положения в науке.

Перестройка работы высшей школы настоятельно требует повышения качества и педагогической эффективности всех читаемых общих и специальных курсов, которые должны быть максимально проблемными. В них следует предельно сократить чисто информативный материал, который студент может освоить в процессе ознакомления с рекомендованной литературой. Но при этом его внимание должно быть сосредоточено на том, как эмпирические данные формируются наукой, становясь объективными фактами и утверждениями. Особо следует приветствовать спецкурсы, являющиеся плодом самостоятельного творчества преподавателя, т. е. целиком построенные на его оригинальных исследовательских разработках. Такие курсы увлекают студентов, знакомят их с процессом возникновения и развития научных проблем, со способами интерпретации этнографических фактов, а значит, целенаправленно прививают вкус к творческой деятельности.

В системе вузовской подготовки этнографических кадров одно из главных мест принадлежит специальному семинару, предназначенному для студентов старших курсов, в основном уже знакомых со спецификой этнографических знаний. Эта форма обучения, независимо от предложенной тематики, предполагает тесный контакт студента и преподавателя, который в течение всего учебного года получает возможность направлять и контролировать работу студента над первичными источниками и специальной литературой, а также оценивать формирующиеся у начинающего этнографа необходимые навыки на пути к самостоятельной постановке и решению специальных вопросов. Семинар лучше, чем какая-либо другая форма обучения позволяет студенту показать свою профессиональную подготовленность, умение написать научный доклад, принять участие в дискуссии и т. д. Работая в специальном семинаре, студент приобретает умение мыслить категориями избранной им науки, практически постигает то, что называют «специфической логикой данного научного предмета».

Звучащие в выступлениях печати в связи с перестройкой высшей школы призывы к повышению роли самостоятельной работы студента над освоением изучаемой дисциплины могут реально воплощаться в жизнь и дать ощутимые результаты при наличии у него вкуса и навыков к такой работе, которые он получает, только активно участвуя в специальном семинаре. Эта мысль выглядит ординарной, но в обычной деятельности кафедры этнографии МГУ это совершается именно так. Семинарская форма вузовской подготовки специалиста не должна подменять собой лекционную формы занятий, ибо они суть самостоятельные, тесно связанные между собой и дополняющие друг друга стороны одного общего процесса усвоения знаний. В связи с этим встает вопрос об оптимальном соотношении лекционных и семинарских занятий в практике обучения. Вопрос этот дискуссионный. При его решении нужно, по-видимому, дифференцированно подходить к организации учебной работы на разных курсах. На младших курсах приоритет следует отдавать лекциям, так как студенты еще не обладают достаточ-

ными навыками самостоятельной работы и лекционный материал в данном случае преследует не только чисто познавательные цели, но главным образом помогает ориентироваться в проблематике изучаемого предмета. На старших курсах семинарские занятия приносят больший эффект, и здесь вопрос о соотношении между лекциями и семинарами может быть решен в пользу последних. Но это при обязательном условии, что лекции будут носить преимущественно проблемный профилирующий характер и давать целостные комплексы «предпосылочного знания», необходимого для работы в спецсеминаре.

Реальное соотношение разных форм учебного процесса зависит от учебного плана кафедры, который по своим отчетливо выраженным установкам должен соответствовать задачам подготовки специалистов. Таким образом, багаж знаний, с которым студенты выходят с кафедры, в конечном итоге опирается в основные направления содержания учебного процесса или, как выражается автор статьи, приоритетные направления. Предложенные В. В. Пименовым четыре приоритетных направления, кроме последнего, которое в той или иной степени всегда было представлено на кафедре этнографии МГУ, не могут быть безоговорочно положены в основу обучения студентов этнографии. В данном случае, на мой взгляд, автор не разграничивает или не видит разницы между академической и вузовской этнографией, т. е. названные в статье направления имеют полное право на разработку в академическом учреждении, но их нельзя положить в основу этнографической подготовки студентов. Как гипотезы, еще нуждающиеся в предметном и концептуальном оформлении на уровне научно-академического исследования, они не могут быть тотчас же переведены на язык непосредственного преподавания. Основная задача преподавателя — просто, логично, в доступной для понимания форме изложить самые сложные проблемы изучаемого предмета, что невозможно сделать без его достаточной научной разработки. Учить студента можно только тому, что уже отстоялось в науке, получило свою форму и содержание. Разумеется, этим не отрицается полезность ознакомления студентов с конкретными научными поисками в различных сферах современной этнографии, но, повторяем, любой заманчивый поиск должен обрести хорошо обоснованную научно-предметную базу, прежде чем стать учебным курсом.

Возможно, предложенные в статье «приоритетные направления» и найдут свое специфическое применение в этнографии, но необходимо еще очень многое для того, чтобы эти предложения были позитивно восприняты и каким-то образом включены в исторически (а не социологически) ориентированную программу подготовки специалистов на кафедре этнографии исторического факультета МГУ. Кстати, здесь не принято козырять понятием «этнический фактор» без определения, в какой именно исторической системе (или системах) возникает, действует, выполняет свою конкретную роль этот фактор наряду с другими факторами жизнедеятельности народов и этнических групп.

В своей статье В. В. Пименов настаивает на «серьезном изменении» учебного плана нашей кафедры, оставляя в стороне ту очевидную истину, что это один из учебных планов *исторического*, а не какого-либо иного факультета. Вряд ли сотрудники кафедры откажутся от перегруппировки существующих учебных предметов и внесения новых с целью более полного отражения актуальных направлений современной этнографии, но базироваться этот план должен на фундаментальных курсах, которые почему-то в статье названы «историко-этнографическими сюжетами». На историческом факультете МГУ любые, а тем более ведущие дисциплины (включая, разумеется, дисциплины этнографического профиля) преподаются не в качестве некоторых «сюжетов», а в качестве целостно сформированных направлений и отдельных сторон рационально дифференцированного и систематизированного исторического знания. Неужели нужно еще раз доказывать, что любые предметы на кафедре этнографии, в том числе и освещающие современность, строятся на основе принципа историзма? Этнография тем и отличается от собственно соци-

альных дисциплин, что изучаемые ею фрагменты и комплексы явлений этнокультурной действительности всегда рассматриваются сквозь призму и функционального, и исторического (генетического и типологического) анализа. Кстати, читая журнал «Советская этнография» за последнее время, во многих публикациях обнаруживаем эту же мысль.

Актуальная ориентация на совершенствование этнографии в вузе не означает введения все новых и новых курсов без продуманного содержательного и временного (в учебных часах) обеспечения всей учебной программы. Здесь главную роль играет не количество читаемых курсов, а их качество и познавательная направленность. Этому требованию соответствуют также строгие рамки почасовой учебной нагрузки студентов. Увеличивая число курсов, нельзя надеяться, что «количество перейдет в качество», наоборот, сначала надо подумать о целесообразности введения и ожидаемом качестве лекционных курсов и семинаров, т. е. об их содержании, а потом уже отобрать нужное число курсов с учетом отведенного объема часов на специализацию.

Прежде чем вносить «серьезные изменения» в учебный план, т. е. существенно перерабатывать сложившуюся на основе многолетней педагогической практики его структуру, необходимо четко и убедительно сформулировать текущие задачи кафедры в свете оправдавших себя тенденций развития этнографии как исторической дисциплины. Следует серьезнее подумать и о подготовке таких учебных пособий, в которых бы не в порядке беглой скороговорки, а в развернутом виде были даны исчерпывающие определения предмета, целей и методов этнографической науки.

Действовавший в последние годы на кафедре этнографии учебный план не был обращен только в прошлое этнографии, как можно понять из статьи В. В. Пименова. Он содержал ряд курсов, освещающих некоторые вопросы современности, таких, как «Социалистическая цивилизация и развитие культуры народов СССР», «Решение национального вопроса в СССР и этническое развитие народов советской страны», «Проблемы этносоциологии», «Современная семья народов СССР» и др.

Представляется, что начавшаяся дискуссия о предметном содержании и практической направленности вузовской этнографии в немалой степени есть порождение ситуации, в которой на переднем плане оказался вопрос о связи и пропорциональном соотношении в учебном процессе фундаментальных и прикладных знаний, дисциплин и методов. Одни участники дискуссии настаивают на повышении приоритетной роли междисциплинарных и прикладных предметов, другие резонно стоят за то, чтобы фундаментальные знания о природе и закономерностях развития этнографических объектов носили характер исходных (т. е. приоритетных) знаний, составляя стержень всей системы преподавания этнографии в вузе. Будем надеяться, что, несмотря на полемический задор, специалистами нелегкого вузовского труда будет в конечном итоге достигнута согласованное решение о содержательно-сущностной модели комплексной вузовской этнографии. Работая над этой проблемой на историческом факультете, следует за добрый совет принять слова академика И. Д. Ковальченко: «Наука должна *идти впереди* практики. Она должна быть готова к решению не только стоящих задач, но и тех, которые могут возникнуть и в ближайшем и даже в более отдаленном будущем. Чтобы такая готовность была, историческая наука, представляющая собой (как и всякая другая наука) определенную познавательную систему, должна в целом развиваться комплексно и гармонично»<sup>1</sup>.

В этой связи хочется еще раз услышать четкий ответ инициатора дискуссии В. В. Пименова на три классических вопроса: на уровне исторического университетского образования будущими этнографами по про-

<sup>1</sup> Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. М., 1987. С. 57—58.

фессии что познается, как познается, для чего познается? Одним словом, какова та область познания, которую мы без колебаний можем квалифицировать как этнографическую и сосредоточить на ней все свое и учащейся молодежи внимание?

**К. И. Козлова**

В условиях современных грандиозных перемен в нашей стране, в развитии гласности и демократии советская этнографическая наука занимает активную позицию. Об этом свидетельствует дискуссионная статья заведующего кафедрой этнографии МГУ проф. В. В. Пименова, посвященная наболевшим вопросам обучения и воспитания специалистов в области этнографии.

Перемены, происходящие в различных отраслях народного хозяйства, науки и культуры, широко освещаются в печати, в том числе и на страницах научных изданий. К сожалению, эти публикации не всегда адекватно отражают действительность. К числу обсуждаемых проблем относятся и проблемы высшей школы, и в первую очередь воспитания молодых специалистов. Следует понимать, что каждая ошибка, допущенная в процессе воспитания молодежи, может иметь весьма негативные последствия. Любое предложение, высказанное в этой области, нужно особенно тщательно взвешивать и всесторонне обдумывать.

В дискуссионной статье, на наш взгляд, правильно указаны основные задачи советской этнографической науки в период до 2000 г. и далее; в ней также подняты важные проблемы университетской специализации, однако многие вопросы ждут еще своего решения. И конечно, их невозможно поставить и решить в одной журнальной статье, тем более если при этом охватывается система этнографического образования в масштабах страны. Есть только один выход. Видимо, участники дискуссии, дополняя В. В. Пименова, должны поднять и обсудить не только конкретные или региональные, но и общие, интересующие всех проблемы. Принимая во внимание это замечание, постараемся высказаться по некоторым вопросам, расширяя их диапазон в нужном направлении.

В первую очередь следует сказать об учебных программах. Мы полностью согласны с мнением В. В. Пименова о том, что существующая ныне система обучения и специализации этнографов не отвечает требованиям современности и нуждается в серьезных доработках. Здесь речь идет не только об МГУ или других центральных университетах, но и о системе университетского образования в нашей стране в целом. Правда, нельзя все-таки не учитывать региональную специфику в системе обучения в различных университетах, но это может быть отображено в специальных курсах, подбор и планирование которых входит в компетенцию кафедры. А как обучать студентов — общей этнографии или же знакомить их с новыми направлениями в этнографии? Думается, здесь все университеты должны быть в одинаковом положении. В настоящее время это далеко не так. Например, как нам стало известно из статьи В. В. Пименова, в МГУ курс этнографии народов зарубежных стран читается четыре семестра; немало часов уделяется этнографии народов СССР (что правильно). В то же время в Тбилисском государственном университете (ТГУ) для полного курса основ этнографии выделен всего лишь один семестр, т. е. 16 академических часов и столько же часов семинарских занятий! Нам до сих пор непонятно, почему в ТГУ этнографы специализируются с третьего курса, а студенты первого и второго курсов не могут выполнять курсовые работы по этнографии, хотя общая этнография читается им в первом семестре первого курса. Для нас этот вопрос имеет жизненно важное значение, и от его правильного решения зависит многое — мы должны достигнуть общесоюзного уровня университетской специализации этнографов.

Очевидно, надо поддержать предложение В. В. Пименова о введении в ближайшем будущем новых специальных курсов. Автор ставит вопрос о разработке типовых и рабочих программ, лекционных курсов по этнографии города, по проблеме «Социалистический образ жизни и его этни-

ческие аспекты», по этнодемографии, этнопсихологии и фольклористике, по прикладной этнографии (включая прогнозирование этнических процессов). Это, несомненно, улучшит подготовку профессиональных этнографов и расширит ее диапазон в том случае, если эти курсы будут вести квалифицированные специалисты. Увы, думается, не все вузы нашей страны располагают сегодня такими преподавателями. Может быть, стоило бы подумать о создании на базе МГУ (с приглашением ведущих ученых из академических научных центров Москвы, Ленинграда и др.) курсов для усовершенствования преподавателей этнографических кафедр?

В обсуждаемой статье ставится вопрос о совершенствовании лекционного курса и, видимо, соответственно учебника по общей этнографии. В связи с этим стоило бы отметить, что по обеспеченности учебниками этнографии наша отрасль — одна из самых отсталых. Не говоря уже о том, что учебников очень мало, некоторые устарели, не решен вопрос об их переиздании и тиражировании. Учебники по основам этнографии, по истории зарубежной этнографии и другим этнографическим дисциплинам стали библиографической редкостью. Вообще отсутствуют учебники или вспомогательные пособия по новым курсам, которые уже читаются в университетах сегодня или предполагается их чтение в будущем. Подготовить и издать учебники или учебные пособия по новым теоретическим и методологическим течениям в этнографии, прикладной этнографии и смежным с этнографией наукам — неотложная задача.

Несколько слов о перестройке и совершенствовании основных лекционных курсов. Нельзя согласиться с положением автора дискуссионной статьи, что в лекционных курсах и соответственно в учебниках надо отказаться от описательно-страноведческого изложения фактических историко-этнографических сведений и перейти к проблемному показу социально-этнической ситуации в различных странах мира. Думается, такой подход одиозен. Не стоит забывать, что описательная сторона в нашей науке отражена и в самом термине «этнография». Мы далеки от мысли, что описательно-страноведческий подход должен преобладать, что не следует включать в лекционные курсы и учебники положения, обобщенные на основе современных теоретических и методологических принципов. Однако пренебрежение к описательно-страноведческому подходу в этнографии, по нашему глубокому убеждению, подрывает предметную сферу этнографии. К сожалению, мы иногда забываем не только об огромной источниковедческой ценности описательной части этнографических исследований, но и о красоте и экзотичности описываемых фактов, которые так украшают этнографию и привлекают к ней студентов. За последние годы мы стали свидетелями ряда этнографических исследований, в которых внешняя проблематичность и излишняя теоретизация порою доходят до бесплодного эклектизма, а их «терминотворчество» переходит всякие границы. Авторам этих работ следует напомнить, что нагромождение избитых в биологии и физике терминов не указывает на оригинальность и фундаментальность исследований. Думается, такая «перестройка» не внесет ничего полезного ни в университетские лекционные курсы, ни в учебники.

Примечательно, что описательно-страноведческого аспекта В. В. Пименов касается, когда рассуждает о фундаментальности лекционных курсов. Мы не считаем нужным спорить по поводу самого понятия фундаментальности лекционных курсов, но, думается, в дискуссионной статье проявляется одна неоправданная тенденция. Выше мы поддержали мысль В. В. Пименова о необходимости введения новых лекционных и специальных курсов, но это нужное дело не должно привести нас к другой крайности — нанести ущерб преподаванию фундаментальных этнографических дисциплин. Стоило бы отметить, что главным для подготовки квалифицированных этнографов в настоящем и будущем должны оставаться традиционные этнографические дисциплины. Широкое введение курсов по этнопсихологии, этносоциологии, этнодемографии и других дисциплин может нанести ущерб и так ограниченным курсам

по фундаментальным этнографическим дисциплинам. То же можно сказать о методике, в частности о методике полевых исследований. Действительно, если мы сегодня широко пользуемся статистическим методом, методами количественного и структурного анализа, используем достижения информатики, то основой этих методических приемов остаются все же непосредственное наблюдение, опрос-интервью и другие традиционные методы полевых исследований.

В. В. Пименов ставит и другие вопросы подготовки профессиональных этнографов. Совершенно справедливы его суждения о необходимости подготовки профессиональных этнографов к практической деятельности, о включении их в учебно-производственные процессы или научную деятельность кафедры. Это, конечно, нужное дело, но и здесь не следует упускать из поля зрения общую нагрузку студентов. Наверное, опытный лектор не раз замечал, как студент читает во время лекции или готовит конспект по другому предмету. Это явление говорит прежде всего о перегрузке студентов различными лекциями и семинарами по неспециальным, второстепенным, а порой и совсем ненужным (по крайней мере для этнографа) дисциплинам. И все это в ущерб специальным предметам. Не потому ли в конечном итоге мы получаем так называемого «универсального специалиста», который в своей основной специальности не чувствует себя достаточно уверенным? В настоящее время, когда мы стоим перед задачей перестройки всего учебно-воспитательного комплекса, мы должны учесть и эту сторону подготовки специалиста-этнографа.

В. В. Пименов уделяет внимание и другому аспекту этой проблемы. Он ставит вопрос о подготовке специалиста широкого профиля в самой этнографии. Как бы заманчиво ни выглядела эта идея, гарантии для практического её осуществления сегодня мы не имеем. Период обучения в университете короток, и существующая ныне учебно-воспитательная система специализации не дает возможности подготовить специалистов одновременно в области этногенеза, материальной и духовной культур, этнического картографирования. В условиях ускоренного развития науки, в том числе и этнографии, резкой дифференциации ее различных сфер стремление к равномерному освоению накопленных знаний по всем указанным выше направлениям и подготовке специалистов широкого профиля приведут нас к такой «универсальности», о которой говорилось выше. Существующая практика специализации, которая требует органической связи курсовых и дипломных работ студентов с определенными проблемами, регионами и народами и подразумевает постепенное расширение и углубление теоретических, методологических и практических знаний, думается, имеет перспективу и в будущем. Широкий кругозор должен основываться на углубленном, а не на поверхностном знании. А основополагающие, фундаментальные знания мы можем дать сегодня студентам лишь по определенным проблемам и направлениям. Полученные в аудиториях университета знания и навыки специалисты-этнографы впоследствии, в своей научной и практической деятельности, должны усовершенствовать и углубить не только по одной проблеме, но и по другим направлениям, определенным регионам и народам.

Полевая экспедиционная работа является одной из традиционных и основных в деятельности наших кафедр. Многие специалисты-этнографы, которые в свое время сами прошли эту практику, согласятся, что первая студенческая экспедиция и первая встреча с информаторами незабываемы. К сожалению, сегодня эта романтика постепенно уходит в прошлое. Дело в том, что существовавшая на нашей кафедре практика полевых экспедиций студентов в масштабах страны, которыми руководил акад. Г. С. Читая, постепенно угасла. И это не зависело лишь от пассивного отношения последующих руководителей кафедры к этой необходимой сфере нашей работы. Только за последние 4 года в университете трижды менялся план практики студенческих полевых экспедиций, что связано прежде всего с финансовыми трудностями. Сколько уходит сил и времени на добывание транспорта, горючего даже для од-

нодневных обзорных выездов в окрестности Тбилиси! В таких условиях экспедиция, которая нуждается не только в транспорте и соответствующей экипировке, но и в других средствах, становится невозможной. Решится ли этот довольно болезненный вопрос в условиях перестройки?

Когда мы касаемся вопросов экспедиции и студенческой практики, необходимо вспомнить об участии студентов в третьем трудовом семестре, что предусматривает у нас только физическую работу на сельскохозяйственных и промышленных объектах, в строительстве и т. д. Очевидно, вместе с археологами, искусствоведами и студентами других гуманитарных специальностей этнографов можно занять более целенаправленно. В настоящее время многие студенты исторического факультета ТГУ, в том числе и этнографы, изъявляют желание участвовать в реставрации памятников культуры в различных районах республики. По всей вероятности, целесообразно отправлять отдельные отряды этнографов в традиционные горные селения для исследования этнографических древностей, сбора музейных коллекций, семейных архивов, полевых этнографических материалов по традиционным и современным аспектам быта и культуры. Результаты такой многолетней работы действительно можно было бы использовать для прогнозирования и планирования социально-культурных процессов в указанных селах. Мы полностью поддерживаем опыт кафедры этнографии МГУ, заключающей с подобной целью договора с пригородными колхозами и совхозами, тем более что в окрестностях Тбилиси имеется много сел с богатым историческим прошлым, в которых прекрасно совмещаются традиции и современность.

Хотелось бы также затронуть вопрос о всесоюзных научных студенческих конференциях, о которых не говорится в дискуссионной статье. Это не новшество; такие конференции проводились на базе кафедр этнографии ведущих университетов страны, в частности в Московском, Тбилисском, Ереванском и др., где студенты-этнографы всей страны (иногда и приглашенные из социалистических стран) получали возможность вести научный спор, устанавливали личные контакты, знакомились с достопримечательностями, музеями, памятниками материальной культуры городов и республик нашей страны и расширяли свой кругозор. Выявленные на этих конференциях лучшие доклады отмечались различными призами и грамотами, и, если удавалось опубликовать тезисы студенческих работ, они обычно являлись первой печатной продукцией, стимулирующей дальнейшую научно-исследовательскую работу будущих специалистов. По-видимому, эта практика нуждается в активной поддержке в настоящее время, но и здесь существует сопротивление вышестоящих инстанций. В апреле 1986 г., по предложению кафедры этнографии МГУ как ведущего координационного центра страны, было решено провести очередную всесоюзную студенческую конференцию в ТГУ. Нельзя не сказать о трудностях, которые встретились организаторам этой конференции уже на республиканском уровне. А наша заявка в Министерство высшего и среднего специального образования была отвергнута, но причин отказа не объяснили. Вот вам поучительный пример отношения к делу «сверху», когда рядовой винтик «чиновничьей» машины одним взмахом пера может перечеркнуть усилия и труд многих людей.

Создание учебно-производственных филиалов кафедры требует твердой материально-технической базы. Такие филиалы должны обеспечить занятия студентов в прикладной сфере и приблизить их к производству. Хорошо, что с 1987 г. эта практика стала обязательной для гуманитарных кафедр. Кафедра ТГУ создала такой филиал в Музее грузинской народной архитектуры и быта под открытым небом в Тбилиси, где предусмотрено проведение многих интересных мероприятий, начиная от выставок и до полевой экспедиционной работы. Эта практика будет способствовать профессиональному росту студентов и одновременно поможет научной организации музея.

Давно был поставлен вопрос о создании научно-организационного этнографического центра в масштабах страны. Поэтому заслуживает поддержки мнение В. В. Пименова о создании всесоюзной государственной

этнографической службы. В пользу создания такой организации имеется более чем достаточно аргументов, и в статье они хорошо обоснованы, хотя значение ее для университетской специализации не должно сводиться только к заказу на подготовку профессиональных этнографов. Мыслится отдельная секция, которая займется университетской специализацией в стране, подготовкой и распределением молодых квалифицированных кадров; надо предусмотреть также широкий спектр вопросов по координации деятельности различных вузов.

Вполне объяснимой и объективной причиной вызвана необходимость расширения сети учебных заведений по специальности «этнография». Мы полностью согласны с мнением В. В. Пименова, что в нашей стране их недостаточно. По всей стране, как известно, имеются всего лишь три самостоятельные кафедры этнографии (в Москве, Ленинграде, Тбилиси). В некоторых вузах этнография объединена с другими специальностями (археологией, искусствоведением, краеведением, фольклористикой и др.), а в подавляющем большинстве университетов вообще отсутствует специализация по этнографии. При таком положении вещей не приходится говорить о какой-либо удовлетворительной материально-технической базе, в частности об учебно-воспитательных лабораториях, наглядных пособиях, библиотеках, экспедиционных студенческих стационарах и т. д.

Теперь уже ясно, что без координации на всесоюзном уровне нам не удастся обеспечить относительно прочную гарантию дальнейшего улучшения университетской специализации. Разрозненность и обособленность, вызвавшие застой в нашей работе, ныне уже немыслимы. Поэтому мы считаем весьма своевременным предложение В. В. Пименова об организации ежегодно (или хотя бы раз в два года) встреч университетских этнографов для совместного обсуждения перечисленных выше и других актуальных проблем подготовки профессиональных этнографов. Хочется, чтобы эта идея, как и многие другие полезные начинания, не угасла под воздействием пресловутой «финансовой экономики».

Проблема координации наших кафедр должна решиться в ближайшем будущем, но сегодня этого уже недостаточно. Пришло время положить конец замкнутости в нашей работе. Парадоксально, что мы не располагаем возможностями ознакомиться с практикой университетского, в том числе этнографического, образования не только капиталистических стран, но и стран социалистического содружества. Если быть откровенным, такое положение вызвано отношением к этнографии как ко второстепенной дисциплине со стороны руководства вышестоящих инстанций. Почти за 50 лет существования нашей кафедры ее члены ни разу не были командированы за рубеж для ознакомления с опытом организации учебно-воспитательного процесса подготовки профессиональных этнографов, стажировки, на международные конгрессы, сессии, симпозиумы и т. д. В то же время представители других специальностей, в том числе и исторических дисциплин, регулярно посещают зарубежные университеты и научные учреждения, часто это одни и те же лица. Пришло время положить конец подобной порочной практике и установить деловую научную координацию преподавателей кафедр этнографии с зарубежными университетами. То же можно сказать и о приглашении зарубежных специалистов для обмена опытом, в частности в разработке совместных научных проблем, мероприятий прикладного характера и т. д. Этот вопрос поставлен не случайно. В настоящее время мы ожидаем положительных перемен и в этой области. Во всяком случае, уже второй год появилась возможность посылать на стажировку в зарубежные университеты одного-двух студентов. Наша кафедра направила студентов в университет в Бомбей. Вопреки всем трудностям, существующим пока еще в организации этого весьма полезного дела, мы приветствуем его и вновь подчеркиваем необходимость распространения этой практики и на преподавателей кафедр.

Еще об одном важном аспекте перестройки нашей работы хотелось бы услышать и от других участников дискуссии. Мы не должны забывать



о важнейшем принципе сегодняшнего времени: как и в других отраслях народного хозяйства, науки и культуры, перестройка университетского этнографического образования должна начинаться с нас самих. Готовы ли мы перестраиваться в соответствии с теми огромными задачами, которые ставятся перед нами сегодня? Только постоянное повышение профессионального уровня, углубление и совершенствование педагогического мастерства, критический подход к собственным возможностям, упорство, стойкость и принципиальность в преодолении и решении самых разнообразных проблем университетского образования в сочетании с высокими моральными и нравственными качествами могут дать нам право и гарантию успешного воспитания профессиональных этнографов, способных полностью раскрыть свой талант и умение в различных сферах науки и культуры нашей страны в XXI столетии.

Как видно, проблема подготовки молодых этнографов весьма многогранна. В одной дискуссионной статье и в откликах на нее невозможно охватить все аспекты воспитания профессиональных этнографов. И все же мы считаем, что инициатива В. В. Пименова в условиях гласности и перестройки может стать переломным этапом в дальнейшем развитии и совершенствовании университетского образования и подготовки профессиональных этнографов.

**В. М. Шамиладзе**